щимъ образомъ: «На тридцать второмъ ежегодномъ Конгрессѣ Тюремнаго Общества, собравшемся недавно въ Люисвиллѣ, въ Кентукки, присутствовало болѣе ста тюремныхъ служащихъ изъ разныхъ мѣстъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады, и столько же криминалистовъ и людей, занятыхъ разработкой общественныхъ вопросовъ. Засѣданія Конгресса продолжались пять дней, и во все это время не было поднято ни одного голоса противъ мнѣнія, принятаго большинствомъ членовъ, что сами тюрьмы являются однимъ изъ главныхъ источниковъ преступленій, что ими скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается число преступленій. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ (люди способные и опытные) представляли вѣскіе аргументы въ доказательство вреднаго вліянія большинства нашихъ тюремъ на преступниковъ и на общество».

Послѣ такихъ показаній, сдѣланныхъ людьми, близко знакомыми съ тюремнымъ дѣломъ, естественно возникаетъ вопросъ: почему же не уничтожить тюрьмы? Толстой не пишетъ проекта объ уничтоженіи тюремъ, а онъ говоритъ только: «Я не вѣрю въ полезность насилія надъ себѣ подобными и поэтому не могу поддерживать прямо или косвенно казней или заключенія въ тюрьмахъ. «Кто безъ грѣха, тотъ пусть первый бросаетъ камень». Кто я, чтобы быть судьей? Если же люди будутъ мало-по-малу присоединяться къ моему мнѣнію, то все меньше и меньше будетъ палачей и тюремщиковъ, и наконецъ эти профессіи совсѣмъ исчезнутъ».

Я уже вижу, что кое-гдѣ эти дрожди начинаютъ проявлять свое дѣйствіе въ обществѣ. Палачи надѣвали маску, чтобы показать свое чувство стыда. Занятіе палача всегда считалось позорнымъ, но не менѣе позорнымъ будетъ занятіе тѣхъ, которые будутъ казнить посредствомъ электричества. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одномъ канадскомъ городѣ кто-то присужденъ былъ къ повѣшенію, и не могли найти плотника, который бы согласился построить висѣлицу; пришлось послать въ довольно отдаленный городъ, чтобы до-